

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: СИСТЕМНО-ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ

Н.М. Раковская

В последние десятилетия значительно снизился интерес к теоретическим проблемам литературной критики. Как нам представляется, сегодня следует вести речь не об отдельных аспектах литературной критики, а о том, что она является не только составляющей литературоведения, но и самостоятельной системой, о чем свидетельствует ее специфика, периодизация и структура.

Системный подход можно определить как способ познания действительности, в которой существенную роль играет то или иное использование системы.

Основатель общей теории системы Людвиг фон Берталанфи определил понятие системы как комплекс взаимодействующих элементов. Вместе с тем, система связана не только взаимодействием или общей целью, но и тем, что в ней присутствуют отношения, удовлетворяющие каким-то заранее фиксированным требованиям. Такие требования могут быть названы концептами. Отношения, удовлетворяющие концепту, образуют структуру системы. Совокупность элементов, сопоставленных структурными отношениями, дает субстрат системы. В литературной критике в качестве концепта может быть взята концепция человека. Она реализуется в специфике критики, отраженной в периодизации и воплощенной в структуре текста, кокретно во взаимоотношениях авторского и читательского сознаний. Таким образом, концепт, структура и субстрат – это основные дескрипторы литературной критики как системы.

Если также учесть, что система – это комплекс компонентов, у которых взаимодействия и взаимоотношения принимают характер целостного результата, то все элементы критики, ее развитие как определенного логического процесса, структурирование, интерпретация и рецепция критического текста позволяют сделать вывод о завершенности критической системы.

Полемика вокруг литературной критики и ее специфики ведется в течение последних десятилетий на страницах журналов и ряда

научных изданий. Вместе с тем, уже очевидна односторонность взгляда на критику только как «объективное» (8) либо «субъективное знание» (2). Именно диалектика объективных и субъективных начал обуславливает устойчиво-изменчивый, инвариантно-вариативный, многозначный характер прочтения и оценки литературного произведения критикой (4). Безусловно и то, что специфика критики определяется прежде всего процессом культурного развития. В связи с этим, ей присущи особые формы отражения мира, средства коммуникации, сферы психики (1). Исходя из концепции трех типов мышления (художественного, теоретического, практического), критика, принимая на себя множественность функций, обладает собственными законами развития. Специфика литературной критики, представляющей единство научного и практического знания, обусловлена на наш взгляд, следующими факторами: во-первых, обобщение художественного опыта идет от критики к теории и от нее к методологии, а затем и практике литературно-критического анализа; во-вторых, восприятие предмета анализа (произведения, процесса) происходит не зеркально, а сквозь призму мировоззренческих установок, которые ориентируют критика на те или иные художественные явления, направления, течения; в-третьих, собственно традициями критики, накопленным ею «мыслительным материалом», предшествующей литературно-критической мыслью.

Вместе с тем, в современных работах по истории русской критики (9) исследователи не опираются на концепцию развития критики как ее «саможвижения». Разделение критического процесса на периоды и этапы, фазисы и моменты основывается не на таящихся в критике самой, а именно ей специфически присущих началах, и на общих факторах, восходящих либо к определенным сферам, либо к истокам идеологии в целом, словом, на факторах не имманентно-диалектического, а извне-детерминирующего, а потому «чужого» происхождения.

Весьма плодотворной при определении специфики критики является идея структурирования литературно-критического текста (7). Она дает возможность осмыслить дискурс литературной критики в целом, и своеобразие индивидуума, в частности. Структурирование литературно-критического текста также способствует постижению системы жанровых форм, ключевых знаков в его семантическом пространстве, связи между культурным кодом текста и комму-

никативно-рецептивными процессами. Петер Козловский отмечает, что контекстуальность литературно-критического текста подразумевает познание явления во всех его соотношениях, какими они присутствуют в облике самого предмета, и в целях, смыслах его местоположения (5). Контекстуальность бытия и когерентная теория истины требуют принимать во внимание внешнюю и внутреннюю взаимосвязь предметов и обстоятельств. В литературно-критическом тексте такая связь осуществляется посредством отношений между критиком, автором, реципиентом. Справедлива мысль украинского литературоведа Р. Громяка о необходимости исследования различных философских систем, скажем, И. Канта и Э. Гуссерля, Р. Ингартена и М. Хайдеггера и т.д., способствующих осмыслению разных моделей, вариантов структурирования литературно-критического текста как возможности его интерпретации (3).

Сложность взаимоотношений между автором, критиком и реципиентом определяет выбор кодирования информации, содержащейся в литературно-критическом тексте. Представляется, что при всей полисемантической текст все же существует то ядро, которое и допускает противоположное толкование. Ю. Лотман отмечал, что новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты и чем «больше новых истолкований... тем дольше его жизнь» (6, 160). Думаем, что все же критический текст представляет собой гомогенный контекст с несколькими темами, денотативным ядром которых является диалог. Смысловые связи обуславливают структуру текста и указывают на его целостность и завершенность. Интерпретация смысла критического текста определяется оппозицией полемизирующих сторон. Каждый структурный элемент способствует восприятию и пониманию в зависимости от возможности критика пробудить чувства и эмоции, вызвать эмоционально-эстетическую реакцию реципиента, дать этико-эстетическую оценку ситуации.

В критическом тексте важно выявить культурный, риторический, социо-исторический код и код загадки, а также блоки информации (БИ), устанавливающие различные смысловые отношения (критик-автор, критик-читатель и т.д.). Структурным центром, определяющим движение в литературно-критической статье, является полемика. В пространстве текста в этом плане особую значимость приобретают границы полемики (интерпретация-полемика, интер-

претация-переосмысление и т.д.). «Полемика», как и всякий другой термин, видимо должна быть оценочно нейтральной по отношению к объекту. Этому может способствовать рассмотрение функциональных возможностей явления, обозначаемого этим термином, его генетических связей с культурой и т.д. Более того, полемика обнажает, во-первых, тот смысл произведения, который критику представляется наиболее существенным, во-вторых, определяет его собственную личностную позицию.

Полемическую задачу в критической статье выполняют монологические реплики, риторические вопросы, диалоги, аналитические рассуждения, пародийные фрагменты, сценки-описания, сравнения и параболы, стилистические фигуры. В каждом конкретном случае сказываются эстетические, этические пристрастия критика, характер и степень его таланта, личностные черты, наконец, темперамент критика. В этом плане любопытна мысль Г. Шпета, отмечающего, что «если идея не разрешима вовне, – она – ничто. Но если она – живая действительная идея, она не „только идея“, а вид, прежде всего внешний видимый облик» (10, 50).

В литературно-критической статье момент «беседы» (диалога, контакта, общения) оказывается и сущностным, сюжетообразующим, и условным, поскольку в данности литературно-критического текста до конца выявленными и закрепленными в слове оказываются суждения и взгляды лишь одного из «лиц беседующих» – критика. Второе же лицо – публика – конструируется в тексте критического сочинения, становясь частью «мира» критика, и существует как нечто внеположенное данности литературно-критической статьи в реальной жизни, как совокупность живых читателей.

Автор-критик оказывается одновременно и демиургом своего читателя-собеседника и реальным лицом, осуществляющим диалог с носителем иного сознания.

Читатель, воссоздаваемый в контексте критической статьи, так сказать, основной объект обращения критика, его конструируемый адресат, функционально замещающий реального читателя. Кроме читателя, тем или иным способом обозначенного или отмеченного в критическом произведении, у литературного критика могут быть иные, периферийные адресаты или корреспонденты.

Полемика – порождение диалогической природы критики (критик-оппонент, критик-читатель, критик-автор произведения). Иногда, становясь самоцелью, полемика затмевает сущность дискуссии, т.е. само художественное явление, иногда полемические фрагменты функционируют как элементы литературно-критической статьи и могут рассматриваться только в составе целого. Как правило, критический дискурс связан с социо-культурными пристрастиями критика, со степенью его владения словом и, наконец, с темпераментом. Важно учесть и тот фактор, благодаря которому возникла полемика. Она может быть задана по авторской воле (скажем, статья Н. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous»), либо возникать спонтанно на «стыке мнений» (В. Белинский «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Н. Гоголя „Мертвые души“»). В зависимости от данного фактора в тексте реализуется полемическая направленность. Личностный аспект отражает не только характер обращения к оппоненту, но и то, как подписана статья (фамилия, псевдоним или криптоним, ссылка на коллективную позицию – скажем, редакции журнала и т.д.). Иногда полемическая задача автора статьи может быть не выявлена в тексте, а установлена по косвенным материалам (переписка, дневники и т.д.). Полемика может длиться, переходя из журнала в журнал, но при этом ведущей фигурой остается автор статьи. Плодотворность полемики очевидна в том случае, если она не переходит в сферу публицистики. Скажем, возражения К. Аксакова В.Г. Белинскому в статье «Похождения Чичикова, или Мертвые души» построены как цепь доказательств. Он старается быть убедительным и точным даже тогда, когда обвиняет оппонента в преднамеренном непонимании. В связи с этим диапазон дискуссии расширяется. Возникает путь развития русского и мирового эпоса, характер традиции, понятие сатирического в литературе, связь автора «Мертвых душ» с современностью и т.д. Диалог редуцирован: сведен к репликам-обращениям, обширно представляет эстетические позиции. Аллюзии накладываются одна на другую, текст статьи превращается в код, для разгадывания которого читатель должен быть не столько тончайшим знатоком литературы, сколько внимательным наблюдателем, следящим за журнальной баталией. Насмешки возрастают, а мысль не движется. В результате происходит отход от магистрального сюжета, и статья превращается в непримиримое пространство, харак-

теризуемое агрессией. Беллетристические картины переходят в фельетонные отступления. Предметом разговора становится личность литератора-оппонента. Азарт полемики вытесняет из статьи анализ художественного материала, литературного процесса. Возникают сатирические блоки – штампы, происходит нивелировка стиля.

Например, эстетическая позиция В. Розанова была обусловлена его полифоничностью. Подчеркивая иррациональность природы личности, он, вместе с тем, был уверен в безграничности и беспредельности возможностей человеческой души. Некая зыбкость оценок критика приводила его оппонентов к резким оценкам. Так П. Струве в статье «Большой писатель с органическим пороком» отмечал, что Розанов «стоит по ту сторону правды и лжи». Сам же Розанов в дискуссии бывал добродушным, но иногда злоязычным и – всегда искренним. Он был убежден, что основа творчества в поэтическом видении мира, и только художественность должна быть предметом полемики. В таком случае дискуссия выходит за рамки общественного спора и приобретает онтологический характер. Его полемика с Н.К. Михайловским указывает, что оппоненты находятся на диаметрально противоположных позициях: Н.К. Михайловский, увлеченный психологией творчества, народник, и Розанов, увлеченный славянофильством, тяготеющий к интуитивизму и идеализму. Культурно-социологическая идея смены поколений, столь занимавшая Н. Михайловского, Розанову не интересна. Poleмика началась со статьи В. Розанова «Почему мы отказываемся от наследства 60–70-х гг.» и ответом Михайловского «Письма о разных разностях». В ходе полемики тональность статьи Розанова меняется от объективно-созерцательной, утверждающей, что поколение шестидесятников весьма поверхностно относилось к природе личности человека, до скандальной: «Пришел вонючий разночинец. Пришел со своей ненавистью, пришел со своей завистью, пришел со своей грязью. Он был не черен, а грязен. И разрушил дворянскую культуру – от Державина до Пушкина. Культуру и литературу». Такой тон и стиль неприемлем для Михайловского.

Михайловский доказывает, что славянофильство потеряло былое величие и влияние, утратило перспективу. В суждениях Розанова ему видится примитивизм и однобокость мышления. Розанов убежден, что славянофильству принадлежит задача «продлить су-

ществование человечества». Однако в своей полемичности В. Розанов чрезвычайно эмоционален. Вследствие такой формы общения с оппонентом дискуссия на научном и литературном уровне не состоялась. Михайловскому не удалось увидеть в критике В. Розанова психологизм и одновременно нарочитую физиологичность стиля, осмыслить, что полемика Розанова – своеобразное откровение, феноменология духа, ибо рецепция Розанова определялась его личностью, тяготением к «душе» славянофильства как нематериальному началу жизни. В статье «Величайший мастер слова» Розанов скажет, что в славянофильстве есть «что-то живое, живым органическим способом вырабатываемое в недрах наций». В отличие от Михайловского, Розанов оставался в целостности жизненного, а не логического процесса. Слова в его текстах не символы мысли, а плоть и кровь.

Таким образом, системно-целостный анализ литературно-критического исследования тесно связан со спецификой критики, проявляется в структурировании текста, центром которого является полемика, обнажающая код эпохи, культуры и личности ее участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюховецький В.С. Специфіка і функції літературно-критичної діяльності. – К., 1986.
2. Бурсов Б. Критика как литература. – М., 1975.
3. Громяк Р. Історія української літературної критики (від початків до кінця ХІХ ст.). – Тернопіль, 1999.
4. Золотухин Г.А. Литературно-критическая деятельность: диалектика объективного и субъективного. – К., 1992.
5. Козловский П. Культура постмодерна. – М., 1997.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
7. Лукин В.А. Художественный текст. Опыт лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999.
8. Михайлов А.В. Литературоведение и проблемы истории науки // Филологические науки. – 1991. – № 3–4.
9. Очерки истории русской литературной критики. – СПб., 1999.
10. Шпет Г. Эстетические фрагменты. – СПб., 1992.